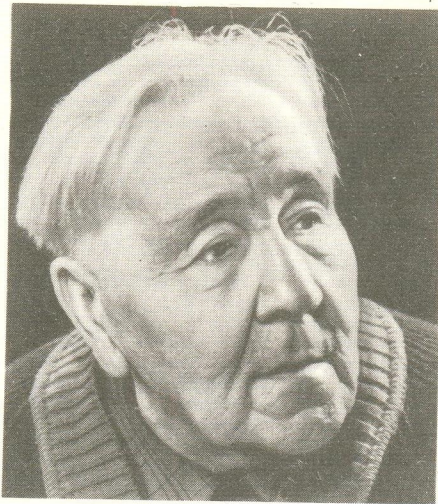

У нас

В гостях:

Лев
Успенский

В городе на Неве

Из воспоминаний

Ленинграду — 275 лет. По возрасту он моложе многих знаменитых городов мира. Но по своей славной истории, значению в жизни человечества город на Неве не имеет себе равных. Это здесь залп «Авроры» возвестил миру о рождении новой, социалистической эпохи. С Ленинградом связаны судьбы многих великих людей и прежде всего Владимира Ильича Ленина.

Одним из сокровищ Ленинграда, которыми мы по праву гордимся, является Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Редакция попросила известного писателя-ленинградца Льва Васильевича Успенского поделиться своими воспоминаниями о библиотеках и библиотекарях города Ленина.

Почти восемьдесят лет я хожу по Петербургу-Ленинграду, любуюсь его красотами и сокровищами.

Исаакиевским собором, на одной из колонн которого заметен как бы шрам от когтей титанического тигра — щербина, сделанная фашистским снарядом. От снаряда не осталось и синь-порошинки, а собор — стоит, как стоял.

Улицей зодчего Росси — живым воплощением тех «громзд недвижных улиц», которыми белой ночью любовался Пушкин.

Кировским заводом и заводом «Большевик», из проходных которых выливались в свое время накаленные толпы, чтобы делать Революцию, как в 17-м году, или чтобы защищать ее, как в 41-м.

С той же гордостью люблюсь я и зданиями прославленных библиотек города — всем известной Публичной имени М. Е. Салтыко-

ва-Щедрина; дорогим каждому человеку науки БАНом — Библиотекой Академии наук.

Я стою на Невском и смотрю на полукруглую ротонду «Публички». Потом оглябаю здание, и на серебристо-сиреневом шелке летнего неба, прямо над входом в библиотеку, вырисовывается силуэт Афины-Паллады. На шлеме богини лежит самый маленький из многочисленных сфинксов Ленинграда: какую загадку собирается задать он каждому из входящих в охраняемые им двери?

Миллионы загадок даны и разрешены в десятках миллионов книг, собранных здесь. Я думаю об этом океане книг, о лоцманах этого океана — о библиотекарях. Без них мертвым грузом стали бы все двадцать миллионов книг Публичной библиотеки.

Подходя к Публичной, я думаю: все библиотекарями были Иван Андреевич Крылов и Владимир Васильевич Стасов. А читателями — многие великие люди нашей страны, и среди них — Владимир Ильич Ленин.

В начале века и я, трепеща, вошел в ее читальный зал. В то время, помнится, пространство в нем делилось «на лампы». Заглянув в «удостоверение личности», вам говорили: «Пройдите к 3-й (или — ко второй, или к 7-й) лампе». На высоком ларе-прилавке, поперек всего зала горели лампы на ножках, под белыми фаянсовыми колпаками. Вы шли к той, возле которой стояла картонка с указанным вам номером, и, выписав требование, отдавали его тихой

женщине — библиотекарю, и получали книги, и садились за стол. И тотчас на вас как бы со всех сторон сходилась, обволакивала вас особая, библиотечная — неверное, царящая во всех библиотечках мира, но мне явившаяся как питерская, петроградская — тишина, мудрая и строгая, ласковая и гипнотизирующая... Много лет приходил я и в Публичную, в Библиотеку Академии наук, но ни разу не слышал в их стенах над развернутыми томами, громкого слова, сердитого голоса.

Годы шли, и я освоился в этих храмах знания. В Публичной заходил теперь уже и в отдел рукописей — в святая святых. Маленький, как добрый гномик, бочком и снизу взиравший на мои 190 сантиметров Иван Афанасьевич Бычков-младший, хранитель и сын основателя этой сокровищницы, выдал мне для чтения в зале древнюю рукописную книгу «О псовой охоте» некоего Остророга, жившего в XVI веке... Я начал тогда, в 1926 году, работу в словаре охотников. Работа затянулась, отвлекло другое. Вторично к Бычкову я пришел через шесть лет. Маленькими ладошками своими он, как и шесть лет назад, крепко охватил мою большую ручищу и с ласковым упреком: «Как же, как же! Помню!» Остророг, «О псовой охоте». Лежит, лежит, отложенная. Дождается вас! Давненько не бывали...»

Давненько! — шесть лет, а он помнил не только меня, а и шифр, взятую мною на прочтение да

тысячи дней назад книги. Так узнал я, что такое «питерский библиотечарь».

Я очень далек от профессионального «библиотечарства». Таблицы Кетчера для меня такая же тайна, как «Тензорная алгебра». А вот брат мой Всеволод Васильевич был библиотечарем профессиональным, страстным и ваядлым.

Я повадился, родственным порядком, заходить в его кабинет — кабинет Ученого секретаря Библиотеки Академии наук, и каждый раз встречал там, помимо рядовых работников библиотеки, се, как бы это поточнее выразить, «болельщиков», да каких. То у брата сидел красноречивый Евгений Викторович Тарле. То сразу образовывалось блистательное и разностороннее трио Абрам Федорович Иоффе, Алексей Николаевич Крылов и — как бы в противовес им из гуманитаров — Игнатий Юлианович Крачковский или Александр Сергеевич Орлов. Им, академикам, не было надобности приходить в БАН и садиться за тяжелые (тяжелее, чем в Публичной) дубовые столы. Им любую нужную книгу доставляли бы по первой просьбе на дом. Я как-то спросил у кого-то из них: зачем им теперь БАН? «Чувствуем себя почетными библиотечарями, дорогой товарищ», — ответил мне не то Сергей Иванович Вавилов, не то Владимир Александрович Фок. — А может быть, старая привычка срывается? Вышел на улицу, увидел БАН, вспомнил молодость... И — завернул...»

Но, завернув так, непонятно почему, большие люди эти принимали на себя обязанности добровольных консультантов: «А вот в Бразилии, Всеволод Васильевич, такой-то новый атлас карт Южной Америки вышел... Попытайтесь выписать. А вот... А вот...» Из штатных работников БАН мне навсегда запомнился замечательный библиотечар и милый человек М. М. Гуревич, автор нескольких интересных библиографических работ. В библиотеке я ни разу не встречался с Мироном Моисеевичем, но каждый день он виделся с моим братом.

В начале февраля 1942 года я пробирался из блокадного Ленинграда к себе на фронт, на дважды блокированный Ораниенбаумский пятачок. Ни один знакомый не мог бы узнать меня, тогда — интенданта флота III ранга — в полушубке, в ушанке с «кратком», в валенках. Вот почему меня так поразил радостный воз-

глас: «Всеволод Васильевич! Всеволод Васильевич!» Мы с братом были довольно мало похожи, но нас постоянно путали. Я рад был, что, и обнаружив ошибку, он не огорчился слишком сильно. М. Гуревич нес военную службу рядовым. Он был военным человеком. В его обязанности входило доставлять письма на передовую, куда уже никакой транспорт не доходил. «Свист пуль» или «разрывы мин» для него были не корреспондентскими фразами, а поминутной действительностью.

Со дня нашей встречи Мирон Моисеевич, жаждавший общения с людьми, близкими к литературе, еженедельно заглядывал в Лебяжье, в редакцию газеты «Боевой залп», ко мне и к моим товарищам.

«Да, были библиотечары, которым пало на долю в дни блокады «стоять на жизнь» на Ленинградском фронте. А были и такие, которым не пришлось попасть в армию на фронт, над которыми развернула свои перепончатые крылья она, блокада.»

До сих пор я вспоминал сам. Теперь я буду пересказывать то, что узнал от других, и в первую очередь — от парторга в блокадные годы Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина Любови Михайловны Филипповой.

Многому, что мне рассказывали, трудно было бы поверить. Но и не поверить я не мог, потому что сам побывал в Ленинграде все наиболее трудные блокадные месяцы и могу засвидетельствовать: так все оно и было.

Все девятьсот дней ленинградской блокады Публичная библиотека работала. Правильнее сказать — все девятьсот дней и ночей, потому что война не знает деления суток на половину труда и половину покоя. В любой час ночи из Смольного или из Штаба фронта могло придти сверхурочное задание, и всегда находился в библиотеке человек, который еле движущимися от холода и слабости руками задание это выполнял.

Вот одно из таких заданий (уже к концу блокады, перед ее снятием). Ожидалось прибытие в Ленинград армейских частей с «Большой земли». Вместе с ленинградцами они должны были ломать и отбрасывать фашистские армии, освобождать Пушкин, Павловск, Петергоф, Гатчину. Каждый ленинградец спал и во сне видел и Большой Каскад, и девушку с разбитой урной, и Ка-

меронову Галерею, и Пиль-Башню в Павловске. Но те парни, которые должны были придти на помощь, — для них и Пушкин, и Павловск, и Петергоф были только словами. И было приказано составить фотоальбом всех сокровищ питерских пригородов и показать их поочередно во всех имеющихся прибыть воинских частях: «Пусть и они будут знать — какие богатства, какую красоту идут освобождать!»

Надо ли говорить, что задание было выполнено.

Первой по времени военной задачей, вставшей перед персоналом Публичной, было спасти главные фонды библиотеки. Еще до того, как кольцо блокады сомкнулось, удалось собрать и эвакуировать за пределы Ленинграда эшелон из тринадцати вагонов — тот самый Отдел рукописей и древнепечатных книг, которым ведал И. А. Бычков. Они сохранились «во глубине России». А вот хранитель этого отдела Иван Афанасьевич остался в блокадном кольце. Остался не просто — выживать; остался работать по сбору книг в квартирах, из которых все уехали или в которых все умерли... Скончался он в 1944 году.

Когда фашистский капкан с лязгом сомкнулся на горле города, встала первая важнейшая задача: сберечь кадры. Без людей книги — ничто. Ах, как не была похожа Публичная библиотека тех дней на ту, какой мы видим ее сейчас или видели до начала войны.

Пустые помещения, населенные только книгами. Тридцатиградусный мороз, такой же, как за стенами, на улице.

Стылый холод, а ведь в этом холоде — на казарменном положении живут сотрудники. Стылый холод, а за 900 дней блокады сквозь читальные залы прошел миллион посетителей... Правда, были в конце 41-го, в начале 42-го годов такие дни, когда появлялись то два-три десятка, а то и один-два читателя. Но залы были открыты всегда; и я горжусь тем, что среди этого миллиона были и мои десять-двадцать посещений.

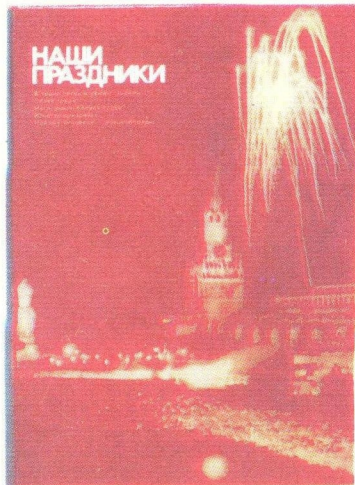
Я видел в те горькие и великие дни многое. Я видел, как в ноябре 1942 года зрители ломались в Пушкинский театр, на «Раскинулось море широко». Я видел — годом раньше — как мальчики и девчочки — школьники! — не позволяли фашистам поджечь Ленинград зажигалками. Ковентри сгорел, а Ленинград — выстоял.

Я беру в руки книгу, именуемую «Список абонентов

ЛГТС» — ленинградскую телефонную справочную книжку. Я раскрываю ее на странице 17-й. Тут начинается перечень библиотек Ленинграда.

Я веду пальцем по колонкам и считаю. «Сто пятьдесят девять, сто шестьдесят одна...» Все? Нет. Следует примечание: «Библиотеки домов и дворцов культуры, научных институтов, учебных заведений и др. — см. при своих организациях». Я не могу сказать, сколько в Ленинграде «и др.». Но для масштаба я по тому же справочному подсчитал число научных и учебных институтов. Их оказалось 263. Значит еще 263 библиотеки! Не считая тех, уже упомянутых, но и без приданных дворцам и домам культуры. В каждой из этих можно сказать бесчисленных ячеек библиотеки работают люди, ленинградские библиотекари. Среди них немало таких, которые помнят все, что я рассказал на предыдущих страницах, библиотекарей-ветеранов. Среди них много и тех, кто только год или полгода назад окончил Институт культуры имени Н. К. Крупской и другие специальные учебные заведения. Работать им приходится не в военных условиях, но вести бои за создание правильной обратной связи «читатель-книга» должны и они. Правда, здесь уж они оказываются перед теми задачами, что и их коллеги из других городов. Книгу — нужную, хорошую — не всегда легко получить. Книга — и хорошая и нужная — ветшает, стареет: как с этим бороться? Есть книголюбы и есть «книголюбцы». Первые рвутся к книге, вторые рвут, портят книгу, выстригают из нее рисунки и чертежи... Бывает! Я видел молоденькую библиотекаршу, впервые столкнувшуюся с таким надругательством: из дореволюционной монографии «Левитан» был вырезан лист с цветной репродукцией: «Вечерний звон». Сначала я подумал, что у этой горько рыдающей девушки как-кая-нибудь личная обида, и притом — чрезвычайная. Когда я узнал, что причина — в старинного издания книге, на которую капали горячие слезы, мне подумалось: «Да, из этой девчурки вырастет настоящий библиотекарь».

Советуем прочитать

О красных днях календаря

Наши праздники. М., Политиздат, 1977 г.

Чествование героев труда и ветеранов производства, посвящение молодых людей в рабочие и вечера трудовых династий, торжественное вручение паспорта и проводы на службу в Советскую Армию. Много таких красивых добрых обычаев рождено нашим образом жизни.

Советские праздники и обряды — важный элемент социалистической культуры, действенное средство коммунистического воспитания трудящихся. Участие в праздниках и обрядах вызывает у человека сознание своего единства с народом, классом, коллективом, воспитывает чувство долга и личной ответственности перед людьми и обществом в целом.

Предлагаемая вниманию читателей книга посвящена праздникам и обрядам, сложившимся в нашем обществе. На ее страницах рассказывается о рождении обрядности,

ее становлении, о смысле назначения праздников, которые вошли в советский календарь.

Сборник «Наши праздники» включает пять тематических разделов. Открывается книга повествованием о революционных и общегосударственных праздниках — годовщине Великого Октября, Дне Победы, Дне Конституции СССР и других. Раскрывая сущность этих знаменательных дат, авторы сборника вместе с тем освещают наиболее интересный опыт подготовки и проведения красных дней календаря различных республик, районах страны.

Большой популярностью нас пользуются воинские трудовые праздники. Речь идет в разделах «Наследникам боевой славы», «Слава труду!». Внимание читателя, несомненно, привлекут страницы, рассказывающие об организации для молодого рабочего, праздника первой полочки, дня рождения предприятия и др.

Значительное место в книге отведено молодежным праздникам (раздел «Юности празднует») и семейно-бытовым обрядам (раздел «Новому человеку — новые обряды»). Здесь читатель найдет интересный и поучительный материал, связанный с комсомольскими, пионерскими, спортивными, международными праздниками, о том, как сегодня трансформируются старые праздники, наполняясь новым содержанием.

В конце книги помещен календарь праздничных дней с краткой историей их возникновения и довольно полный по каждому из разделов сборника список литературы.

Нет сомнений в том, что книга «Наши праздники» служит хорошей службой работникам культпросветучреждений, которым она в первую очередь адресована.

Р. АЛСУ

В сентябрьском выпуске «Круга чтения» будут опубликованы: Рассказ о новых изданиях произведений Л. Н. Толстого Л. Шилов. Живой голос писателя А. Ронников. Роль книги и библиотеки в жизни человека У нас в гостях: Ираклий Андроников Книжные путеводители